

Поцелуй принца

Баронесса Каролина Хок — красавица, завидная невеста. К ее ногам мог пасть любой, лишь помани она пальцем. И только принц Леопольд не примкнул к сонму ее поклонников, не поддался ее чарам. Каролина казалась ему взбалмошной, не привыкшей ни в чем знать отказа девицей. Как же он ошибался... Встреча в Лондоне и теплое общение подарили ему возможность разглядеть в Каролине потрясающую женщину. Именно такую, какую он искал всю жизнь. Но Каролина знает, что они не могут быть вместе, — Леопольд помолвлен. И он должен вернуться на родину, в Алусию, к невесте.

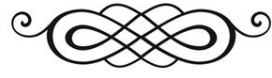
Искра страсти
станет пламенем
любви

*Поцелуй
принца*

ДЖУЛИЯ ЛОНДОН

КСД

JULIA LONDON

*A Royal
Kiss & Tell*

A Novel

Джулия Лондон

Поцелуй
принца

Роман

ХАРЬКОВ
2021 КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-9042-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Настоящее издание публикуется по договоренности с издательским домом “Harlequin Books S.A.” и представляет собой художественный вымысел. Все имена, действующие лица, места и эпизоды являются плодом авторского воображения, и любое сходство с реально существующими лицами, ныне здравствующими или умершими, деловыми предприятиями, событиями либо местами действиями абсолютно случайно.

Переведено по изданию:

London J. A Royal Kiss & Tell : A Novel / Julia London. — Toronto : HQNBooks, 2020. — 380 p.

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Баронеса Кароліна Хок — красуня, завидна наречена. До її ніг міг упасти будь-хто, лише помани вона пальцем. І тільки принц Леопольд не пристав до сонму її прихильників, не піддався її чарам. Кароліна здавалася йому балуваною, не звиклою ні в чому знати відмови дівчиною. Як же він помилявся... Зустріч у Лондоні і тепле спілкування подарували йому можливість розгледіти в Кароліні приголомшливу жінку. Саме таку, яку він шукав усе життя. Але Кароліна знає, що вони не можуть бути разом, — Леопольд заручений. І він повинен повернутися на батьківщину, в Алусію, до нареченої.

Лондон Дж.

Л76 Поцелуй принца : роман / Джулия Лондон ; пер. с англ. А. Михайлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 416 с.

ISBN 978-617-12-8855-3

ISBN 978-1-335-13697-8 (англ.)

Баронесса Каролина Хок — красавица, завидная невеста. К ее ногам мог пасть любой, лишь помани она пальцем. И только принц Леопольд не примкнул к сонму ее поклонников, не поддался ее чарам. Каролина казалась ему взбалмошной, не привыкшей ни в чем знать отказа девицей. Как же он ошибался... Встреча в Лондоне и теплое общение подарили ему возможность разглядеть в Каролине потрясающую женщину. Именно такую, какую он искал всю жизнь. Но Каролина знает, что они не могут быть вместе, — Леопольд помолвлен. И он должен вернуться на родину, в Алусию, к невесте.

УДК 821.111(73)

© Dinah Dinwiddie, 2020

© Jon Paul, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке и художественное оформление, 2021

Глава 1

Хеленамар, Алусия 1846 год

...совершеннейшая правда заключается в том, что и мужчины, и женщины одинаково жаждут искреннего уверения в том, что будут любимы вечно, и ничто не способно вызвать столь восторженную радость в груди любого представителя рода человеческого, как свадьба.

В недавнем прошлом самым знаменательным событием стало бракосочетание всеобщей любимицы Элизы Триклбэнк и Его Королевского Высочества Себастьяна Чарльза Ивера Шартье, наследного принца Алусии.

Невеста вступила под своды собора Святого Павла в столице Алусии Хеленамаре ровно в половине первого пополудни. На ней было платье из белого атласа и шифона, скроенное по моде Алусии, облегающее и снабженное традиционным шлейфом длиной около тридцати футов. Шлейф был расшит вручную золотой и серебряной нитью, изображающей символы Англии и Алусии, включая знаменитых алусийских скаковых лошадей, горный лютик и герб Шартье. Англия была уже привычно представлена розой Тюдоров, львом и государственным флагом. Национальный девиз Алусии, *Libertatem et Honorem*¹, был вышит крошечными фестончатыми буквами на обшлагах рукавов.

Невеста покрыла голову вуалью, закрепив ее украшенной бриллиантами тиарой с центральным камнем весом в десять каратов, который одолжила ей Ее Величество королева Дарья. Она также надела жемчужное ожерелье из двадцати трех зерен, по одному на каждую провинцию Алусии — дар Его Величества короля Карла. Грудь леди Триклбэнк украсила золотой брошью с сапфирами, кою в качестве свадебного подарка преподнес ей жених, принц Себастьян.

Сам же принц облачился в удлиненный черный сюртук тончайшей шерсти с фалдами до середины голени, белую жилетку, украшенную той же самой вышивкой, что и шлейф платья невесты, и шелковый шейный платок, отделанный золотой и серебряной нитью. Голову его украшала корона, возложенная на него во время помазания наследным принцем.

После церемонии новобрачные отправились в открытом экипаже в Константиновский дворец под приветственные крики доброжелателей, растянувшихся на добрых три мили по обеим сторонам проспекта.

Король пожаловал принцу и его новобрачной титулы герцога и герцогини Таннемидских. Отныне местом их проживания станет Таннемидский дворец в портовом городе...

Дамская газета мод и домашнего хозяйства госпожи Ханикатт

Надежды и обещания, присущие любой свадьбе, неизменно восхитительны, но в случае *королевской* свадьбы пароксизмы радости запросто могли бы навечно заморозить улыбки на восторженных лицах присутствующих. Самые пресыщенные сердца наверняка преисполнились бы умиления. А окажись еще божественная

королевская новобрачная чьей-либо лучшей подругой, это наверняка породило бы накатывающие одна за другой волны безграничного счастья.

Леди Каролина Хок не могла нарадоваться счастью своей лучшей подруги Элизы Триклбэнк, которая в эту самую минуту приносила брачный обет любви и верности принцу Себастьяну. Всего несколько месяцев назад Элиза была решительно настроена остаться старой девой и посвятить себя уходу за слепым отцом, пока смерть не разлучит их. Днями напролет она носила простые безыскусные платья и фартуки, поочередно то читая отцу, то предаваясь своему необычному хобби и починяя часы. Но потом Элизу пригласили на королевский бал, на котором погиб человек, а она случайно узнала кое-что, способное пролить свет на личность убийцы, и не успела Каролина оглянуться, как ее Элиза выходит замуж за человека, который в один прекрасный день станет королем этой страны. А это, в свою очередь, означало, что сама Элиза обретет титул *королевы*.

Это было настолько невероятным, настолько невозможным, что казалось лучше любой, самой вычурной и несбыточной сказки, которую Каролина когда-либо слышала или могла бы вообразить.

Сидя в первом ряду кафедрального собора, на почетном месте, предоставленном ей как лучшей подруге Элизы, Каролина взирала на происходящее сквозь легкую пелену слез. Элиза буквально светилась от счастья. Каролина никогда не считала себя сентиментальной, но вот поди ж ты.

Она перевела взгляд на принца Леопольда, стоявшего рядом со своим братом, принцем Себастьяном. Интересно, как он отнесся к происходящему и что думает о счастливой паре? Он был довольно высок, крепок и мускулист. Широкоплечий, с тонкой талией и мускулистыми бедрами, он выглядел настолько мужественным и по-королевски величественным, что Каролина на миг позволила себе помечтать — она представила, как идет по этому самому проходу, опираясь на его руку.

Эти сладкие мечты оказались настолько увлекательными, что их не могло разрушить даже воспоминание о том, сколь холодный прием он оказал ей на королевском банкете. Тогда, в августе, он смотрел на нее, как на служанку, которая пришла унести его насквозь промокшую одежду. И то же самое повторилось во время утренней конной

прогулки в Клевотен-парке, устроенной для гостей, прибывших на свадьбу. В тот день, когда она скакала галопом рядом с ним и его друзьями, он нахмурился и заявил: «Должно быть, вы заблудились, мадам», — словно она была оборванкой, случайно затесавшейся в королевский кортеж!

К счастью для него, Каролина не отличалась злопамятностью и, несмотря на досаду, с легкостью вообразила, что было бы, улыбнись ей принц Леопольд так, как Себастьян улыбался Элизе. Как замечательно было бы пройти по проходу в соборе вместе с ним, да еще в платье, столь же прелестном, как у Элизы, в разработке покроя какового, естественно, вместе с королевскими портнихами участвовала и Каролина. Ведь не зря же она обладала тонким вкусом и острым глазом.

Рядом с Элизой стояла ее сестра, миссис Холлис Ханикатт, замужняя подружка невесты. Следить за вычурным шлейфом, прикрепленным к платью Элизы, Холлис помогали восемь маленьких ангелочков. Одеты они были в точности как Элиза, разве что без шлейфа, разумеется, поскольку маневрировать с ним могла только чрезвычайно опытная и ловкая особа. Зато девочки украсили свои головки венками из цветов. Других подружек у невесты не имелось.

А вот будь это свадьба самой Каролины, у нее их было бы целое море.

Но, по словам Элизы, в Алусии это было не в обычае.

— Девочки с цветами, — сказала она. — Они съезжаются со всей страны. Там почитается за честь, когда тебя называют «девочкой с цветами», насколько я могу судить.

— Но почему же ты отказываешься от того, что нравится тебе? — удивилась Каролина, исходя из предположения, разумеется, что Элизе нравится то же, что и ей.

С момента обручения Элизы и принца Себастьяна Каролина также исходила из предположения, совершенно ошибочного, кстати, что она-то и станет главной подружкой невесты. В конце концов, с Элизой и Холлис она дружила с самого детства.

— Если честно, меня вполне устраивают эти девочки с цветами, — отозвалась Элиза. — И вообще, меня бы вполне устроило самое скромное торжество. Я готова была согласиться даже на гражданскую церемонию. Но королева Дарья придерживается иного мнения.

— Вполне естественно, с ее стороны. На свадьбе тебя увидят все те люди, которыми ты когда-нибудь станешь править.

Элиза насмешливо фыркнула:

— Я не буду править, Каролина. Мне очень повезет, если я просто сумею отыскать своего мужа в этом огромном здании, — и она обвела рукой празднично украшенные стены.

Ее слова не были преувеличением — размерами Константиновский дворец превосходил даже Букингемский.

— Позволь мне быть твоей подружкой невесты! — взмолилась Каролина. — Я сумею присмотреть за твоим шлейфом гораздо лучше Холлис.

— Прошу прощения! Это я — ее сестра, — напомнила Каролине Холлис.

— Шлейф имеет длину тридцать футов, Холлис. Как ты справишься, скажи на милость? Ты и своему-то ладу не дашь, особенно после того, как мы побывали в Алусии. А вот мое платье заслуживает того, чтобы его увидели все. Я не пожалела на него ни денег, ни усилий.

Элиза и Холлис во все глаза уставились на Каролину.

— Разумеется, я хотела сказать «после *твоего* платья».

Но сестры продолжали смотреть на нее.

Каролина едва заметно пожала плечами.

— Это же очевидно, — добавила она.

— Так и я думала, — снисходительно заметила Элиза.

Прибыв месяц назад в Хеленамар, они втроем с ликованием переняли алусианский стиль в одежде. Английское платье — юбки в пол, высокий ворот и длинные рукава — оказалось жарким и тяжелым. И у них вызвали одно лишь восхищение чудесные алусианские наряды, которые облегали тело со всеми его впадинками и выпуклостями, наряды с длинными свободными рукавами и, самое главное, с украшенными изумительной вышивкой шлейфами... пока не оказалось, что носить такой вот шлейф не так-то легко.

— Я справлюсь, — упорствовала Холлис. — Гости приехали сюда не для того, чтобы любоваться *твоим* платьем, Каро.

— Что ж, Холлис, ты, без сомнения, права. Но ведь они все равно будут в восторге, не так ли? А кстати, кто сказал, что свидетельница обязательно должна приходиться сестрой невесте?

— Никто, но она — *и впрямь* моя сестра, и потому свидетельницей будет она, — заявила Элиза. — Кроме того, если рядом со мной будешь стоять ты, то на протяжении всей церемонии я бы только и делала, что переживала из-за того, что ты настолько очарована Лео, что и думать забудешь о моем шлейфе, — и она многозначительно выгнула золотистую бровь, в упор глядя на Каролину.

Можно подумать, та сделала что-то дурное!

Во всяком случае, сама она определенно так не считала.

— Лео? Так вот как мы теперь его называем? — растягивая гласные, проговорила она. *Лео* приходился младшим братом принцу Себастьяну. Его Королевское Высочество принц Леопольд.

Принц Леопольд, о чем знали все, последние несколько лет провел в Англии, «посещая» Кембридж, что в действительности означало, что он проводил куда больше времени на званых вечерах, в клубах для джентльменов и на охоте, нежели в учебных аудиториях. Минувшим летом Каролина встретила его в Чичестере на приеме в загородном имении. У них даже завязался очаровательный разговор, который Каролина до сих пор помнила слово в слово. Принц же Леопольд, напротив, не помнил его совершенно. Хуже того, он, судя по всему, не помнил и *ее саму*.

Голос архиепископа вдруг поднялся до какого-то торжественного речитатива, вновь привлекая внимание Каролины к церемонии. Господи милосердный, она опять думала о принце Леопольде в то время, когда ей следовало бы наблюдать за тем, как ее лучшая подруга выходит замуж за *принца*. В следующее мгновение Элиза вложила ручку в руку принца Себастьяна и крепко сжала ее, когда архиепископ попросил ее повторить за ним по-английски: «Любить, почитать, защищать и оберегать».

Как романтично!

Каролина скосила глаза вправо. Она сидела рядом со своим братом, бароном Беккеттом Хоком. Старше ее на полдюжины лет, он был ее опекуном с тех самых пор, как ей исполнилось восемь, а ему — четырнадцать. Она прижалась к нему плечом и прошептала:

— Правда, чудесно?

— Ш-ш, тише.

— Думаю, что она красивее самой королевы Виктории в день ее свадьбы, — продолжала нашептывать Каролина. — А платье у нее

просто очаровательное. Это я придумала расшить шлейф золотой и серебряной нитью.

Бек сделал вид, будто не расслышал ни слова.

— Знаешь, пожалуй, я и сама могла бы соорудить тот шлейф.

Брат положил ладонь на колено Каролине и сжал его, повернувшись к ней лицом и устремив на нее взгляд своих светло-зеленых глаз. При этом он грозно нахмурился.

Оттолкнув его руку, Каролина огляделась. А он действительно внушительен, этот собор Святого Павла. Высоко над головой парили потолки, разрисованные образами ангелов и прочих созданий Божиих. Все крепления, канделябры и иные элементы были вызолочены, но особенно впечатляюще выглядел амвон, похожий скорее на монумент, чем на подставку для Библии. Витражных же стекол было столько, что утренний свет дробился на длинном шлейфе Элизы, превращая его в движущуюся радугу в сиянии солнечных лучей, пробивающихся сквозь оконные рамы.

Все до единого места в огромном соборе были заняты, заполненные красивыми людьми самых разных оттенков кожи, в ярких костюмах и сверкающих драгоценностях. Каролина знала, что они съехались сюда со всех концов света, из таких стран, о которых она даже не слыхала.

Под полусферическими перекрытиями над алтарем расположился хор молодых мужчин и мальчиков, распевających гимны, под аккомпанемент которых Элиза шла по центральному проходу навстречу своему принцу. Их голоса звучали так, словно небеса расступились и ангелы решили приветствовать невесту своим пением.

Церемония, длившаяся вот уже час, была преисполнена помпезности и торжественности. Каролина, откровенно говоря, не очень понимала, что происходит, поскольку велась она на латыни и алуисианском, и только в той части, что касалась Элизы, звучала английская речь. Ей казалось, что Элиза и Себастьян слишком уж часто то опускаются на колени, то вновь встают, глядя друг на друга сияющими глазами. Но в какой-то невероятно торжественный момент Элиза преклонила колени в одиночестве. Создавалось впечатление, будто ее посвящают в рыцари или миропомазывают на нечто подобное, и, когда все закончилось, архиепископ возложил руку ей на голову, король и королева поднялись со своих мест, а принц Себастьян поднял

ее на ноги и приколот к груди роскошную золотую брошь, усыпанную сапфирами.

— Вот теперь она стала принцессой по-настоящему, — прошептала Каролина, обращаясь к Беку.

Но тот пропустил ее слова мимо ушей, что, впрочем, было вполне предсказуемо.

Элиза выглядела как настоящая принцесса, и Каролина пожалела о том, что здесь нет ее отца, судьи Триклбэнка. Увы, преклонный возраст и слепота сделали его присутствие здесь невозможным. Перед тем как Себастьян вернулся в Алусию, в Англии состоялась небольшая приватная церемония — был заключен первый гражданский союз. То скромное торжество, на котором ее отец таки присутствовал, объяснялось тем фактом, что Элиза и Себастьян, похоже, не могли расстаться даже на несколько часов.

Гражданский брак был заключен еще раз сразу же после того, как Элиза прибыла в Алусию, дабы соблюсти приличия, поскольку пыл страсти между Элизой и принцем лишь нарастал. Право же, временами на это просто неловко было смотреть.

Но ни одна церемония не могла сравниться с тем, что происходило сейчас. Наступил настоящий праздник, пиршество для глаз и сердец романтиков со всего света.

Каролина на миг отвлеклась, спрашивая себя, а будут ли все эти гости присутствовать нынче вечером на балу? Она очень надеялась на это. Ведь у нее имелось прелестное голубое платье по последней алусианской моде, отделанное золотой нитью. Шлейф к нему она изготовила сама. И бал станет для нее прекрасной возможностью явить себя в нем во всей красе... рядом с Элизой, разумеется.

Только вчера Элиза нервно подсчитывала, сколько глав государств будут присутствовать на ее свадьбе и балу, и окончательная — внушительная! — цифра заставила ее побледнеть. У Каролины же пульс лишь участился от восторга.

— Нет, я этого не переживу! — воскликнула Элиза, доведенная до отчаяния количеством сановников и высокопоставленных особ, многие из которых были королями и королевами. — А вдруг я скажу что-нибудь невпопад? Вы же знаете, какая я неловкая. Вы хотя бы представляете, сколько подарков мы уже получили? Да я в жизни не видела такого количества золотых кубков, серебряных подносов

и тончайшего фарфора! Что будет, если я споткнусь? Или пролью что-нибудь себе на платье?

— Мой тебе совет, дорогая: не накладывай ничего с верхом себе на тарелку, — рассеянно отозвалась Холлис.

Она склонилась над листом бумаги, делая какие-то заметки для своей «Дамской газеты мод и домашнего хозяйства госпожи Ханикатт». В издании, выходящем два раза в месяц, освещались такие темы, как последние моды, домоводство, здоровый образ жизни и — самое интересное — завораживающие сплетни, циркулирующие в высшем обществе Лондона.

И сейчас Холлис едва успевала удовлетворять ненасытный спрос на светские новости. Она уже подумывала о том, чтобы немедленно по возвращении в Лондон наладить выпуск газеты, вдвое превосходящей по количеству страниц ее нынешнее издание, со всеми последними известиями о королевской свадьбе. А пока она буквально засыпала письмами своего слугу Донована, дабы он сберег их в течение того месяца, что они проводили в Алусии.

Она настолько погрузилась в свои мысли, что ее совет, пусть и здравый, прозвучал совершенно не ко времени, и Элиза не выдержала:

— Как ты можешь так говорить! С той поры, как я прибыла в Алусию, у меня и маковой росинки во рту не было. За столом королева смотрит на меня с таким видом, словно решительно не одобряет того, что я делаю! Вот я и боюсь лишний раз пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы поесть нормально, — пожаловалась Элиза. — Они *все* будут смотреть на меня. Будут ждать, чтобы я допустила какую-нибудь оплошность, или гадать, не ношу ли я уже под сердцем наследника. Вы даже представить себе не можете, какой интерес вызывает моя способность зачать его!

— Ну еще бы! — жизнерадостно воскликнула Каролина. — Тебе предстоит стать племенной кобылой, дорогуша, но после того, как ты дашь им то, чего они хотят, сможешь жить в супружеском раю до конца дней своих в окружении роскоши, привилегий и *очень* большого количества слуг.

— К тому же отнюдь *не все* будут смотреть на тебя, Элиза. По крайней мере половина залы будет пожирать глазами твоего красавчика-супруга, — лукаво подмигнув ей, заметила Холлис.

Каролина вновь вернулась в реальность, когда архиепископ поднял тяжелую чашу, украшенную драгоценными камнями, над головами Элизы и принца Себастьяна. Это ведь наверняка должно означать, что они почти закончили? Принц Себастьян взял Элизу за руку, и они отвернулись от архиепископа, встав лицом к гостям, с ужасно нелепыми и счастливыми улыбками на радостных физиономиях. Они стали мужем и женой!

Холлис тоже повернулась, и даже с того места, где сидела Каролина, было видно, что ее темно-синие глаза блестят от слез радости. Гости поднялись на ноги, когда принц со своей новобрачной отправились в обратный путь от алтаря. Сверху на счастливую пару и гостей обрушился дождь розовых лепестков. Маленькие девочки с цветочными венками на головах порхали вокруг Элизы, словно бабочки, а когда пришел их черед шествовать по проходу вслед за молодоженами, выстроились в две шеренги, держа в руках шлейф ее платья. Принц Леопольд предложил руку Холлис, и та ответила ему сияющей улыбкой. Каролина вдруг почувствовала себя чужой и всеми забытой на этом празднике жизни. Нет, Холлис и Элиза были, конечно, близки и дороги ее сердцу, став для нее почти сестрами, но ей отчаянно хотелось быть с ними рядом в эту минуту.

Элиза и принц Себастьян проплыли мимо Каролины и Бека, не обратив на них ни малейшего внимания. Этого следовало ожидать — оба выглядели безумно влюбленными. Они были настолько очарованы друг другом, что Каролина даже начала беспокоиться, как бы они не налетели на одну из мраморных колонн, обрамлявших их путь.

О да, она отчаянно им завидовала, зависть буквально переполняла ее. В Англии мысли о замужестве редко приходили ей в голову, разве что в тех случаях, когда Бек начинал жаловаться, говоря, что она должна остановить свой выбор на ком-либо, пусть на ком угодно, и снять с его плеч тяжкую ношу опекунов. Хотя, если говорить откровенно, эта обязанность не особенно тяготила Бека, невзирая на его протесты. Каролина даже подозревала, что он получает удовольствие от ее подчиненного положения. И потому она продолжала бездумно перепархивать с одного приема на другой, наслаждаясь знаками внимания, которые оказывали ей попадавшиеся на ее пути многочисленные джентльмены, от всей души радуясь

собственной свободе и возможности поступать так, как ей заблагорассудится.

Но сейчас, глядя на Элизу, Каролина вдруг поняла, что тоже хочет однажды влюбиться в мужчину, который был бы предан ей так же, как принц Себастьян — своей невесте. Ей захотелось изведать все те чувства, что были уже знакомы Элизе, и на собственном примере понять, как любовь меняет человека.

Принц Леопольд и Холлис прошествовали мимо Каролины и Бека. По лицу Холлис текли слезы счастья. Проходя мимо, принц Леопольд сподобился взглянуть на гостей, надев на лицо вежливую улыбку. Взгляд его остановился на Каролине — ну, в общем, не совсем чтобы *остановился*, а скорее скользнул по ней, тем не менее она в ответ широко улыбнулась. Она уже начала было поднимать руку, но чей-то резкий тычок под ребра остановил ее. Вздвогнув от неожиданности, она широко раскрытыми глазами уставилась на брата.

— Перестань пялиться на него с открытым ртом, — прошипел тот. — Смотри, не сверни себе шею!

В ответ Каролина с небрежным высокомерием поправила локон на шее.

Бек же перенес все свое внимание на процессию. Сейчас мимо них шествовали король с королевой. Брат наклонился к ней и прошептал:

— Он — *принц*, Каро, а ты — самая обыкновенная английская девчонка. Ты опять предаешься несбыточным сказочным мечтам. Они крупными буквами написаны у тебя на лице.

Обыкновенная английская девчонка? Ей вдруг ужасно захотелось дать Беку пинка, как в те времена, когда она и впрямь была маленькой девочкой.

— Лучше уж предаваться несбыточным мечтам, чем не мечтать вовсе.

В ответ Бек лишь выразительно закатил глаза, а затем продолжал равнодушно взирать на то, как вслед за королем и королевой мимо прошел архиепископ со служками и алтарниками.

Обыкновенная английская девчонка! Нет, ну надо же было ляпнуть такое!

1 Свобода и честь (*лат.*).

Глава 2

...новобрачную герцогиню Таннемидскую вполне заслуженно обожают как граждане Алусии, так и весь остальной мир. По окончании свадебной церемонии в честь молодоженов семьей герцога был дан приватный бал со специально приглашенными гостями, на котором герцогиня продемонстрировала полученные ею свадебные подарки, включая рубиновое ожерелье от императора Австрии Фердинанда I, позолоченную фарфоровую шкатулку от султана Абдулмесида и народа Турции, а также пару танцующих лошадок от принца Монако Флорестана I. Наша королева Виктория и принц Альберт преподнесли в дар герцогу и герцогине Кроули-холл, имение в Сассексе, ключи от которого были торжественно вручены молодоженам достопочтенным лордом Расселом, прибывшим в Хеленамар в свите Ее Величества королевы.

Герцог и герцогиня Таннемидские были не единственными, кто удостоился пристального внимания во время церемонии. Некоторые обозреватели отмечают, что близкий родственник герцога уделял куда больше времени наследнице Веллорианского престола, нежели новобрачным...

Дамская газета мод и домашнего хозяйства госпожи Ханикатт

Не исключено, что сия свадебная церемония стала самой продолжительной в истории рода человеческого. Пожалуй, даже греческая вакханалия не смогла бы длиться так долго. Принц Леопольд вдруг ощутил, что шейный платок буквально душит его. Медали, которые он надел, как того требовал протокол, оттягивали ткань сюртука вниз, отчего ему то и дело приходилось расправлять плечи, дабы избежать морщинок на нем. Интересно, в котором часу Кадро, телохранитель, уложил его сегодня в постель? В четыре утра? Он не помнил. Хотя на самом деле особой вины Лео в этом не было. Его просто взяли «на слабо», предложив выпить *la fée verte*, или «зеленую фею», как назвал этот адский напиток шведский посланник.

Задержавшись в самом конце свадебной процессии, молодожены свернули в небольшой вестибюль, чтобы расписаться в приходской книге регистрации актов гражданского состояния. Лео, миссис Ханикатт и архиепископ последовали за ними, намереваясь выступить в качестве свидетелей. Лео смотрел, как брат уверенной рукой вывел в нужной графе подпись «*Себастьян Шартье*». Он вдруг поймал себя на том, что в нетерпении постукивает пальцем по штанине, глядя, как перо берет Элиза и расписывается рядом с мужем. Рука у нее дрожала, и она умудрилась посадить кляксу под размашистой подписью с завитушками, буквы которой складывались в ее новое имя «*Элиза*

Триклбэнк Шартье». Едва отложив перо, она крепко обнялась с миссис Ханикатт, и обе принялись хохотать как сумасшедшие, и темноволосая головка миссис Ханикатт прильнула к светлым кудрям Элизы.

Себастьян и Леопольд обменялись взглядами. Точнее, это Лео выразительно покосился на Баса, после чего перевел взгляд на часы над его плечом. Ему очень не хотелось выказывать неуважение, но голова у него гудела набатным колоколом, а во рту пересохло. Вот уже вторую неделю церемонии, празднества, официальные приемы и званые ужины сменяли друг друга бесконечной чередой. А ведь он посещал их все, стоически выполняя свои обязанности принца, шафера или кого там еще они желали видеть в его лице, и при этом все время пил, дабы заглушить скуку. И сейчас он злился, желая поскорее покончить со всем этим и вновь встретиться с друзьями.

Лео предпочитал жить вдали от Алусии, в Англии, где у него было множество друзей. Теперешний образ жизни особы королевской крови, при котором он был совершенно бесполезен, выступая в роли реквизита на очередной церемонии, изрядно раздражал его.

— Ваша очередь выступить в роли свидетеля, миссис Ханикатт, — сказал Лео, надеясь ускорить ход вещей, взял золотое перо и протянул его ей на тот случай, если она не поняла, что именно должна засвидетельствовать.

— Да, конечно, — немножко нервно заявила она и разжала объятия, отпуская сестру.

Под кляксой, оставленной Элизой, она быстро и уверенно начертала свое имя.

Следующим расписался Лео — быстро и небрежно, стремясь поскорее разделаться с этой тягомотиной, — после чего отступил в сторону, сложив руки за спиной, пока архиепископ давал новобрачным последнее благословение. Бог ты мой, да сколько же можно благословлять одних и тех же молодоженов?!

Но вот наконец они вышли из собора, и Бас с Элизой сели в открытый экипаж. В такой чудесный солнечный денек дворцовая стража будет сопровождать счастливую пару на всем пути по длинному проспекту до дворца, чтобы дать возможность толпам почитателей, выстроившимся по обеим его сторонам, возможность взглянуть на супругу наследника престола и поприветствовать ее. Едва

успев прибыть в Алусию, Элиза стала быстро обретать популярность. Люди видели самих себя в этой обычной девушке, сумевшей очаровать кронпринца, не прилагая к тому каких-то особенных усилий, просто явив ему себя такой, какая она есть. Лео вполне понимал их восторг — это была вечная сказка, в которой воплотились их надежды и мечты. Он понимал, что большинству людей приходится зарабатывать себе на хлеб тяжким трудом, и для них жизнь во дворце представлялась истинным блаженством. Она же стала одной из тех, кто разрушил мощную стену королевской неприступности и привилегий, и они полюбили ее за это.

Впрочем, сам он не видел в этом никакого очарования. Он терпеть не мог золотую клетку, окружавшую его в Хеленамаре. Многие правила, диктовавшие ему, как себя вести, он попросту ненавидел — например, с кем ему разговаривать, где сидеть и так далее. Разумеется, в Англии люди тоже знали, что он принц, но большинство обывателей об этом и не подозревали, более того, никто не требовал от него быть кем-то. И это как нельзя лучше устраивало его, поскольку он не считал себя кем-то особенным. Он был всего лишь человеком с пухлым кошельком и парой охранников, готовых защитить его. В Англии он бывал там, где ему хотелось, охотился, когда у него возникало такое желание, кутил с новыми друзьями, если ему приходила в голову такая блажь, ездил верхом, волочился за женщинами и сидел там, где ему, черт возьми, нравилось. Не оглядываясь на кого бы то ни было.

Точнее говоря, он *наслаждался* жизнью вплоть до того момента, когда его братец прибыл в Лондон, чтобы заключить торговое соглашение, а его личный секретарь был убит. Тогда вся Англия вдруг узнала, что в стране обретаются двое неженатых принцев. С той поры жизнь его изменилась необратимо. Теперь большинство людей знали его в лицо, но он искренне надеялся, что, когда вернется в Англию, восторги англичан по поводу того, что их соотечественница вышла замуж за алусианского наследника престола, улягутся, и он сможет вернуться к прежнему беззаботному образу жизни.

К несчастью, взойти на борт корабля он сможет еще очень и очень нескоро. Но сегодня, после частного приема для членов королевской фамилии и, как Лео предполагал, нескольких сотен их ближайших друзей, он рассчитывал встретиться с друзьями детства и хоть немного

расслабиться перед завершающим королевским балом, который давали нынче же вечером. После вчерашней попойки вынести очередные возлияния будет нелегко, но если Лео в чем-либо и достиг мастерства, так это в кутежах.

Тем временем Лео и миссис Ханикатт присоединились к его родителям в позолоченном экипаже и неспешно покатали вслед за молодоженами. Судя по всему, происходящее внушало миссис Ханикатт благоговейный страх — она сидела не шелохнувшись и так сильно стискивала руки, что он забеспокоился, как бы она не сломала себе палец. Лео сожалел, что не может сказать, что ей не о чем беспокоиться, — его родители игнорировали ее, по большей части, и, произнеся несколько банальностей насчет свадьбы, обратили все свое внимание на толпы народа по обеим сторонам дороги. Лео знал, как его родители относятся к миссис Ханикатт. Она была чужестранкой, к тому же простолюдинкой. Вскоре она вернется в Англию. Так что знакомство с нею не сулило им никаких выгод.

А вот самому Лео было жаль и ее саму, и ее нервы, и потому он улыбнулся ей. Он с легкостью мог вообразить, сколь ошеломительным оказался этот день для нее и ее сестры. Откровенно говоря, временами толпы народа повергали в смятение и его самого. Интересно, каково это — быть простолюдином и стоять в толпе, глядя, как мимо проезжает королевский экипаж? Каково это — отправиться затем в паб и выпить за свадьбу принца, после чего вернуться к своей жене, детям и постели?

А ведь он предупреждал Баса, что Элизе, скорее всего, будет нелегко привыкнуть к новой жизни.

— Позаботься о своей невесте, — заявил он ему только вчера в тот редкий момент, когда они остались одни. — Она вступила в совершенно новый для себя мир.

— Непременно, — отозвался Бас и, хотя сказано это было небрежным тоном, в глазах его пылал неукротимый огонь, свидетельствующий о том, что он любит Элизу более всего на свете.

Ну и слава Богу, потому что его протекция ей понадобится. Знать Алусии смотрела на нее сверху вниз. Английское дворянство, прибывшее на свадьбу, она, похоже, шокировала. Элиза и сама выглядела то обескураженной донельзя, то очаровательно игривой. А ее сестра вообще не находила себе места.

Единственной, на кого вся эта мишура королевского окружения не производила никакого впечатления, оставалась сестра лорда Хока. Эта женщина не даст воли своим нервам, даже если они взбунтуются и схватят ее за горло. Более того, доселе незнакомые ей официальные условия и положение дел лишь раскрепостили ее. Она легко справлялась с ними с широкой, теплой улыбкой на устах и румянцем на прелестных щечках. При этом, будучи невероятно привлекательной особой выше среднего роста, с роскошными светлыми волосами, она не осталась незамеченной. Ее просто невозможно было не заметить. Она относилась к тому редкому типу светских красавиц, которые легко находят общий язык со всеми, кто встречается им на пути. Ей нравилось слышать собственный голос, и она рассматривала как законную добычу всех, кто попадался ей на глаза, — будь то герцог или дворецкий, королева или горничная. Похоже, особенное удовольствие она получала, вклиниваясь в разговор и предлагая собственное мнение, причем ей не было дела до того, кто оказывался в роли собеседника.

Судя по всему, оказываемое ей внимание лишь возбуждало ее, принуждая преступать границы. Совершенно очевидно, она не увидела ничего дурного в том, чтобы запросто подойти к нему давеча на королевском банкете, словно это было для нее самым обычным делом. Она или не понимала того, что к принцу королевской крови непозволительно приближаться на официальном приеме, не будучи должным образом представленной, или же решительно не придавала этому никакого значения — он помнил лишь, что вел милую беседу, пребывая в приятном легком подпитии, как вдруг заметил ее рядом с собой. И она улыбалась ему с таким видом, словно, кроме них, в комнате больше никого не было.

— Добрый вечер! — жизнерадостно воскликнула она, и ее зеленые глаза заблестели. — *Прекрасный* выдался денек, вы не находите? На меня произвел неизгладимое впечатление прием, оказанный Элизе в Хеленамаре.

— К ней отнеслись весьма достойно, — вежливо отозвался Лео.

Столь смелое поведение этой особы ничуть не удивило его, тогда как его спутники, все как один представители высшей знати Алусии, смотрели на нее, как на диковинку из бродячего цирка, и вид у них был такой, будто нарушение ею королевского этикета следовало изучить со

всем тщанием и осудить. Так, например, глаза леди Брюнеллы Фортенгоу округлились от изумления, и она уставилась на Лео с таким видом, словно полагала, что им грозит моровая язва и что он непременно должен что-либо предпринять по этому поводу.

Увы, но предпринимать здесь было решительно нечего, что Лео усвоил задолго до этого вечера. Под неодобрительным взглядом леди Брюнеллы сестра Хока ловко подхватила бокал шампанского с подноса проходящего лакея, мимоходом обронив:

— Боже, что я *делаю*? — словно ожидала ответа от бедолаги. — Я уже выпила бокал шампанского на завтраке в честь бракосочетания, но, к моему разочарованию, оно совершенно выдохлось. А это вы не пробовали? — осведомилась она, поднося фужер к носу.

Лакей покраснел до корней волос:

— Нет, мадам.

Отпив маленький глоток, она задумчиво прищурилась и запрокинула голову, смакуя напиток, мило улыбнулась лакею и объявила, что шампанское — божественное. После чего предложила бокал леди Брюнелле, заявив, что та непременно должна оценить прекрасный букет.

Судя по нахмуренным бровям леди Брюнеллы, та отнюдь не нуждалась в том, чтобы эта крайне непосредственная англичанка говорила ей, что она «положительно обязана попробовать» шампанское, и, когда она осведомилась у Лео, не желает ли и он отведать шампанского, он решил, что пришла пора избавиться от навязчивой особы.

— Благодарю вас, но я подожду, пока не появятся король с королевой.

Она звонко рассмеялась:

— В таком случае вам предстоит долгое ожидание, разве нет? Вчера они *совсем не спешили* явить себя гостям, не правда ли?

— Прошу прощения? — Он кивком отослал лакея прочь.

— Это была шутка, — сказала она. — Правда, они действительно прибыли с опозданием. — И, под изумленными взглядами его друзей, которые никогда бы не осмелились пошутить насчет медлительности короля и королевы, пояснила, жестом указав на себя и Лео: — Мы уже знакомились.

— Не совсем так, — возразил тот.

— В Англии, — с дерзкой улыбкой уточнила она.

— Пожалуй, мимоходом, — вежливо заметил он, досадуя на нее за то, что она посмела настаивать — против всех правил приличия — на случайном знакомстве во время вечеринки в загородном особняке в Чичестере.

Как, скажите на милость, он мог запомнить всех, кого видел в том доме? Учитывая, сколько он тогда выпил, удивляться следует уже тому, что он вообще припомнил Чичестер. Едва заметным жестом он поманил старшего лакея, и тот ловко вклинился в разговор:

— Мадам, прошу вас, — предложил лакей, неопределенно махнув рукой в сторону ее места.

Поначалу, когда свадебные церемонии только начинались, Лео счел сестру Хока наивной особой, кем-то вроде неотесанной деревенщины, попавшей на роскошный прием в высшем свете. Но, чем дольше он наблюдал за нею в ходе торжеств, тем больше убеждался в том, что неустрашимый дух в ней соседствовал с толикой высокомерного нахальства, каплей бесцеремонности и солидной порцией панибратства по отношению ко всем, с кем она вступала в беседу, заслуженно или нет, причем все это действие сопровождалось милой улыбкой и смешинками в зеленых глазах.

Она принадлежала к числу тех людей, коих придворные категорически не жаловали в своем кругу. Обычно эту публику изрядно раздражали те, кто привлекал такое внимание, какого они добивались по отношению к себе. А когда центром внимания оказывалась иностранка, да еще красивая и назойливая, они готовы были смешать ее с грязью просто из принципа.

Наконец, под звуки труб и приветственные крики толпы, кортеж свадебных экипажей прибыл во дворец и высадил гостей, обряженных в обременительные военные мундиры и увешанных знаками отличия. Членов королевской фамилии и их друзей препроводили в малую приемную залу, где Бас и Элиза должны были встречать иноземных сановников.

Будучи представленной королю и королеве в салоне, под сверкающей всеми огнями хрустальной люстрой, Элиза присела в реверансе, который давался ей куда лучше прежнего. Когда она только приехала в Алусию, имела привычку сильно наклоняться

вперед, и Лео боялся, что она просто опрокинется, если присядет еще чуточку ниже.

Бас сиял, как новая монета. Еще никогда в жизни Лео не видел своего мужественного брата таким довольным и счастливым. Он всегда оставался весьма сдержанным и преисполненным достоинства. Придворные обычно говорили в таких случаях, что в этом и заключается разница между братьями, одного из которых воспитывали как будущего короля, а другого — нет. И если Баса учили вести себя прилично, то Лео учился наслаждаться жизнью.

Бас ухватил Лео под руку и крепко сжал ее, широко улыбаясь.

— Теперь я — женатый человек, Лео.

— Ну ты даешь, Бас! Я стоял рядом с тобой, когда это случилось.

Бас расхохотался, как если бы Лео сказал что-то очень смешное. Выражение его лица напомнило Лео случай, произошедший много лет тому назад, когда оба были еще детьми и жили под заботливым присмотром гувернанток и наставников, и лишь изредка — своих родителей. Тогда они наткнулись на целый выводок черно-коричневых лопоухих щенков в мешке, от которых кто-то явно вознамерился избавиться. Когда же они освободили страдальцев из плена, то попали в настоящую осаду — те тыкались в них носами и яростно виляли хвостиками. находка привела Себастьяна в полный восторг, и по сей день Лео помнил искреннюю радость Баса, когда тот улегся на спину и позволил щенкам барахтаться подле себя, сражаясь за право облизать ему лицо.

По настоянию Баса щенки вернулись во дворец, и каждый из них обрел свой новый дом. Один из них стал постоянным спутником Баса и скончался мирной собачьей смертью четырнадцать лет спустя. И сейчас Бас привязался к Элизе в точности так же, как когда-то к Понту.

— Ты только взгляни на нее! — сказал Бас, кивая куда-то за спину Лео.

Принц обернулся, и взгляд его упал на маленькую группку женщин, среди которых были и его свояченица, миссис Ханикатт, какая-то алусианская наследница, которую он встречал раз или два, и, разумеется, сестра Хока. Она помахала ему с таким видом, словно они разлучились минуту назад на деревенской ярмарке.

— Она — красавица, — сказал Бас. — До сих пор не могу поверить в то, что нашел ее. Не говоря уже о том, что женился на ней.

Лео тоже не мог в это поверить, если быть совсем уж откровенным. Элиза Триклбэнк и девицы из круга ее общения были настолько далеки от того типа женщин, которых они с Басом могли бы взять в жены, насколько это вообще возможно. Лео никогда не забудет, как впервые увидел ее. В скромном городском особнячке, в окружении твякающих собачек, наглого кота и великого множества часов.

— А ведь я всегда полагал, что это будет кто-нибудь из Алусии, — продолжал изумляться вслух Бас и вдруг улыбнулся во весь рот. — Пожалуй, теперь невеста из Алусии достанется тебе.

— И думать забудь об этом, — проворчал Лео, поглядывая по сторонам. — Благодарю покорно, пока меня вполне устраивает холостяцкий образ жизни. В сущности, жду не дождусь, когда смогу вернуться к нему.

— Я-то забуду, но можешь не сомневаться, что отец скоро вспомнит. Когда ты отплываешь?

— Через два дня.

Все еще улыбаясь, Бас совершил нечто ему абсолютно несвойственное — обнял Лео одной рукой и ласково привлек к себе.

— Готов биться об заклад — как раз вовремя. Удачи тебе, Лео. А мы отправляемся в Таннемид, где я намерен залечь в берлогу и устроить себе медовый месяц хоть на несколько дней.

А потом случилось и вовсе невероятное — его чопорный братец рассмеялся и ткнул его локтем под ребра. Нечто подобное было скорее в духе Лео, и до Элизы Бас непременно попрекнул бы его за это.

— Так вот что женитьба делает с мужчиной! Превращает его в похотливого развратника, — сказал Лео.

Бас рассмеялся во все горло, и соседи стали оборачиваться, чтобы взглянуть на них, причем удивлены они были явно ничуть не меньше Лео.

Впрочем, никто не радовался за Баса больше, чем Лео, но он чувствовал бы себя намного счастливее, если бы церемония поскорее закончилась и Бас с Элизой обратили бы свое внимание на куда более важное занятие — зачатие наследника. А уж он будет вне себя от радости, когда избавится от этого тесного шейного платка и чертовски тяжелых медалей, а потом наконец примет порошок от головной боли.

Но до тех пор, пока не прозвучит последняя здравица в честь молодых, не будет принят последний подарок, не будет съеден последний торт и не отзвучит мелодия последнего танца, ему придется стоически сносить внимание родителей и незамужних девиц, стремящихся устроить выгодный для себя брак. Все женщины жаждали сделать для своих дочерей то, чего Элиза Триклбэнк добилась совершенно самостоятельно и в одиночку.

Кстати, раз уж мы заговорили об Элизе, она как раз пробралась к ним сквозь толпу в сопровождении своей верной компаньонки.

— Ты должен попробовать шампанское! — воскликнула она, салютуя бокалом Басу. — Оно просто чудесное.

— А-а, дар французского посланника! — откликнулся Бас.

— Того доброго человека? Он ведь прислал нам еще и вино, не так ли? Следует подружиться с ним немедленно, — провозгласила Элиза и огляделась по сторонам, словно высматривая упомянутого дипломата.

Очевидно, для нее это был уже не первый бокал сегодня.

— Мы похожи на труппу веселых трубадуров! — воскликнула сестра Хока, приобняв Элизу одной рукой за плечи. Ее взгляд был устремлен на Лео, искрясь, как он подозревал, не меньшим количеством шампанского, нежели употребила вовнутрь Элиза. — Итак, Ваше Высочество, что скажете? — обратилась она с вопросом к Лео. — Церемония вышла превосходной, верно?

— Так и есть, — подтвердил он, одновременно спрашивая себя, сколько ему еще придется вести пустые разговоры, прежде чем удастся улизнуть.

— Я так рада, что наши мысли совпадают! Я даже начала беспокоиться о вас — вы выглядели таким мрачным, стоя рядом со своим братом.

От неожиданности он даже растерялся. Это он выглядит мрачным?

— Прошу прощения?

— Каро! — со смехом воскликнула Элиза. — Перестань!

— Но ведь это правда!

— Я уверена, что Его Высочество был весь на нервах, совсем как я, — заявила миссис Ханикатт. — Это просто ужасно — стоять перед всеми этими людьми, которые глазят на тебя.

Ее слова изрядно насмешили Баса, и он покосился на брата.

— Так ты был в ужасе, Лео? — подмигнув, осведомился он.

Лео совсем не было страшно. Откровенно говоря, он уже с трудом сохранял вертикальное положение.

— Я наблюдал за торжественными мероприятиями.

— Торжественные мероприятия! — Сестра Хока расхохоталась, словно он отпустил забавную шутку. — Напротив, мероприятие как раз *радостное*! Я еще никогда не видела нашу дорогую Элизу такой счастливой. Причем настолько, что я ей даже завидую.

— Завидуешь чему? — переспросила Элиза.

— Тебе, дорогуша! Возможности пройти по проходу в церкви в ослепительном платье, как у тебя, опираясь на руку симпатичного джентльмена. Вот как вы, — и она подмигнула.

Все предпочли дружно промолчать. Лео же был поражен в самое сердце. Разве можно так откровенничать, выставляя свои самые сокровенные чувства напоказ?

Сестра Хока, окинув присутствующих внимательным взглядом, отметила их удивление.

— Что? Разве я не имею права помечтать? — Она рассмеялась. Прежде чем кто-либо успел придумать достойный ответ, она продолжала: — А девочки с цветами разве не восхитительны? — и вперила требовательный взгляд в Лео, словно ожидая его реакции.

Да что такое происходит с этой женщиной? С какой стати она прицепилась к нему с подобными разговорами? Но теперь все обернулись и уставились на Лео, словно и вправду желая узнать его мнение о маленьких девочках, которых он едва заметил. Бас лукаво улыбнулся, явно радуясь тому, что внимание всех присутствующих обращено на брата.

— Я... э-э... да. Если память мне не изменяет, — пробормотал он, отводя взгляд от сестры Хока.

Но она ничуть не утратила присутствия духа и продолжала болтать, что, как он уже понял, доставляло ей удовольствие.

— Я сказала Элизе, что ей нужны подружки невесты, но она ответила, что здесь в обычае лишь девочки с цветами, и я подумала, как бы это смотрелось в столь шикарном месте, как собор, но потом вынуждена была признать, что...

— Прошу прощения, — произнес чей-то глубокий мужской голос.

Лео не видел, как его отец присоединился к ним, пока тот не остановился за спиной сестры Хока. Что ж, у нее, по крайней мере, хватило ума умолкнуть в присутствии короля. Шагнув в сторону, она присела в реверансе.

— Ваше Величество, — торжественно прошептала она.

— У меня нет желания прерывать ваше празднество, но не мог бы я обменяться парой слов со своим сыном?

— Разумеется, — отозвался Бас.

— Нет, ты, Себастьян, продолжай веселиться. Я имею в виду своего второго сына, — сказал отец и улыбнулся Лео.

А тот мгновенно исполнился подозрений. Он с любопытством взглянул на улыбающегося отца, отчаянно жалея о том, что не успел удрать раньше. У отца редко возникала надобность побеседовать с ним наедине, обыкновенно он приберегал все важные разговоры для Баса.

— Итак, Леопольд?

— Да, — сказал тот и, кивнув остальным, присоединился к отцу, и они зашагали прочь.

В уголках глаз короля собрались морщинки от улыбки, что обычно свидетельствовало о том, что Его Величество пребывает в крайне благодушном расположении духа. Словно в подтверждение этого, король сказал:

— День прошел превосходно во всех смыслах. Мы с твоей матерью не нарадуемся, глядя на Баса, который наконец-то сочетался законным браком. — Он вновь улыбнулся, но при этом повернул голову и искоса взглянул на Лео.

Деланая веселость отца не могла обмануть Лео, и в животе у него завязался тугой и холодный узел. Обыкновенно ему удавалось избегать неприятного разговора с королем, каковой, в чем он прекрасно отдавал себе отчет, рано или поздно неизбежно состоится, но сейчас, со всеми этими свадебными торжествами, выпивкой и этой красивой, но надоедливой женщиной и ее бесконечными разговорами о девочках с цветами и прочем, он, похоже, забыл об осторожности и непозволительно расслабился.

Отец остановился подле одного из больших окон. Снаружи по-прежнему бурлила огромная толпа, надеясь хотя бы одним глазком еще раз увидеть новобрачных.

— Теперь, когда наследный принц женат, — заговорил король, придвигаясь к Лео и не переставая при этом улыбаться, — мы с твоей матерью решили, что должны обратить внимание на тебя.

— Что? На меня? — Лео вдруг почувствовал себя совершенно незащищенным, как если бы отправился на войну без доспехов или даже меча. — Но я... Через два дня я отплываю в Англию, — быстро напомнил он отцу.

А тот продолжал улыбаться как ни в чем не бывало. Жестом подозвав проходящего мимо лакея, он взял у него с подноса два высоких бокала с шампанским и протянул один Лео. Тот даже не сообразил, что делает, пока не увидел искрящийся напиток у себя в руке. Он был захвачен врасплох и оказался совершенно неподготовленным к тому, что отец, когда в журнале записей актов гражданского состояния еще не высохли чернила, воспользуется частной свадебной вечеринкой Баса, чтобы затронуть болезненную тему.

— Выслушай меня, Леопольд, — добродушно заговорил король, увлекая сына в сторонку. — Я вовсе не желаю доставлять тебе неприятности или причинять боль. Но ты должен знать, что определенные переговоры уже состоялись.

В голове у Лео зазвучали тревожные колокола. Зазвучали громко, набатным боем. Это что же получается, его женитьба не должна доставить ему неприятностей и причинить боль? Послушать отца, так речь идет о том, как удобнее организовать случку для породистого кобеля, — а вот сам Лео не видел ничего легкого или безболезненного в том, чтобы на всю жизнь приковать себя кандалами к женщине, с которой он был едва знаком. Определенные переговоры уже состоялись? С кем это, хотелось бы ему знать? Уж, во всяком случае, не с ним.

— Я бы предпочел...

— Мы добились определенного прогресса во взаимоотношениях с Веслорией, не правда ли? — быстро продолжил отец, не давая Лео возможности увильнуть от разговора.

Узел у него в животе стал еще туже. Неужели они действительно добились прогресса? Ведь не прошло еще и года с той поры, как веслорианцы и предатели из Алусии организовали заговор с целью похитить Баса. Две страны разделяла долгая история войн и взаимного

недоверия, но отец явно имел в виду недавние попытки ослабить существующее напряжение между двумя соседними королевствами.

А ведь в основе всех противоречий лежала судьба двух сводных венценосных братьев. Когда отец Лео, король Карл, взошел на трон около сорока лет тому, дядюшка Феликс был изгнан из Алусии... главным образом потому, что полагал, будто имеет больше законных прав на корону и скипетр, нежели Карл.

Корнями вопрос о праве на престолонаследие уходил в гражданскую войну шестнадцатого века, когда Шартье впервые захватили трон. Предки Феликса, Обероны, проиграли ту войну и бежали в Веслорию, попутно оказывая поддержку веслорианским монархам и знати. Они с давних пор утверждали, что право Шартье на корону Алусии далеко не столь законно, как их собственные притязания, и на границе между обеими странами вот уже долгие годы постоянно происходят кровавые стычки и перестрелки.

Феликс и Карл стали результатом попыток деда Лео восстановить союзнические отношения между государствами после смерти его первой жены. Его вторая жена, дальняя родственница и Оберон по крови, оказалась той еще интриганкой, задумавшей вмешаться в борьбу за трон с рождением собственного сына. Но ее план провалился, чего, впрочем, и следовало ожидать.

А дядюшка Феликс между тем наделал много шума в Веслории. Ни для кого не было секретом, что тамошний король без его ведома не мог и шагу ступить. Феликс пообещал объединить Веслорию и Алусию под единым правлением, если ему удастся заполучить алусианский трон, и поскольку он располагал поддержкой многих лоялистов, преданных делу Оберона, то над двумя нациями нависла угроза войны. Шартье, в свою очередь, стремились пресечь деятельность всякого, кто хотя бы намекал на свои симпатии к Веслории, что вызвало открытое недовольство и затормозило экономический рост обеих держав. Еженедельно возникали новые слухи о том, что тот или иной аристократ или же состоятельный купец примкнул к заговорщикам, целью которых было свержение короля Карла.

Себастьян тоже хотел объединить Веслорию и Алусию, рассчитывая, что этому поспособствует заключение торгового соглашения с Англией. Он мечтал о том, чтобы Шартье и Обероны,

равно как и их соотечественники, действовали сообща ради индустриализации и процветания их стран, а не военной разрухи.

К несчастью, далеко не все разделяли его стремление к прочному миру. Во время пребывания Себастьяна в Англии на родине был раскрыт заговор, в котором оказались замешаны представители правительственных кругов и в результате которого был убит личный секретарь наследного принца. Но, согласно поговорке «не было бы счастья, да несчастье помогло», брат Лео встретил Элизу и полюбил ее всем сердцем.

И сегодняшний день стал самым счастливым для него, но угроза войны и попытки переворота по-прежнему висела над королевской фамилией за увитыми плющом стенами дворца. О ней никто не забывал ни на минуту. И в первую очередь сам король.

— Мы сможем добиться большего прогресса для Алусии, если станем действовать заодно со здоровыми силами в Веслории, — заявил отец, поглядывая по сторонам.

— *Здоровыми силами* в Веслории?

— С теми, кто не испытывает желаний объединяться, — продолжал король, окидывая внимательным взглядом залу. — Сохранение прежних границ и собственного суверенитета сулит нам многочисленные выгоды.

Лео не знал, в чем заключаются эти выгоды, да это ничуть его и не интересовало. Он также предпочел бы не знать и о преимуществах, которые давал суверенитет. В его представлении это были ненужные сложности.

— Один министр веслорианского кабинета стремится обеспечить для своей страны новые торговые и экономические преференции. Он занимает пост министра труда, и есть все основания полагать, что он станет следующим премьер-министром. — Отец смешно пошевелил бровями. — И женитьба на его дочери принесла бы нам много пользы.

Нам. Отец произнес это слово без малейших колебаний или намека на иронию, словно родители Лео и даже Бас с Элизой пойдут вместе с ним по проходу к алтарю.

— Понимаю, — отозвался Лео, отчаянно стараясь найти выход из щекотливого положения, в котором оказался. — Но я не...

— Ты познакомишься с нею нынче же вечером, на балу. Причем постарайся сделать это публично, у всех на виду. И станешь

танцевать с нею.

Лео почувствовал, как кровь, еще оставшаяся в нем после давешних возлияний, отхлынула от рук и ног. Значит, *все это* действительно было обговорено заранее.

В каком-то смысле происходящее казалось ему унижительным. Хотя в юности он как раз и жаждал подобной ответственности. Он желал быть принцем не на словах, а на деле, хотел приносить пользу. Но отец возложил всю реальную ответственность на Баса. Лео до сих пор помнил, как ему отказали во вступлении в кавалерию, поскольку туда уже поступил Бас. Он до сих испытывал горечь оттого, что умолял отца поручить ему настоящее дело, а вместо этого его назначили покровителем городских глашатаев. Глашатаев, будь они прокляты.

Были и прочие оказии, и в какой-то момент Лео перестал стремиться к тому, чтобы иметь достойную цель. Цели, как он усвоил, отныне ставил перед собой только Бас.

— Разве тебе не хочется узнать, кто она? — весело поинтересовался отец.

Король гордился достигнутыми договоренностями, и чувства, которые Лео испытывал по этому поводу, явно для него ничего не значили. Принц лишь передернул плечами в ответ.

— Леди Евлалия Гаспар.

Лео не знал никаких Гаспаров, тем паче Евлалий.

Отец холодно улыбнулся, отметив отсутствие у сына малейшего энтузиазма, и положил руку ему на плечо, а потом сильно сжал его, словно Лео был все еще сопливым ребенком.

— Все уже обговорено, Леопольд. Мы намерены сделать официальное заявление, как только ты вернешься из Англии с вещами, причем задолго до конца лета. Несколько недель ты будешь должным образом ухаживать за нею, а к концу лета мы официально объявим о помолвке. Словом, ты можешь считать себя обрученным.

— Я должен считать себя обрученным еще до того, как хотя бы увижу ее? До того, как хотя бы *поцелую*? — холодно осведомился Лео.

Отец вздохнул и убрал руку с его плеча.

— Ты прекрасно знаешь, как достигаются подобные договоренности. Мы с твоей матерью требуем от тебя совсем немногого, но мне нужно, чтобы ты сделал так, как я велю.

В том, что от него требовалось очень немного, и заключалась главная причина недовольства Лео.

— Это совсем не то же самое, что попросить меня выгулять твою собаку, — возразил он.

— Сын, — строго произнес король, — ты всегда знал, что такой день обязательно настанет. И не делай вид, будто я приказал отрубить тебе голову. Это всего лишь женщина, черт возьми.

Всего лишь женщина. Не жена, даже не спутница жизни. Просто женщина.

— А теперь ступай и любезно побеседуй с посланником Веслории. — Отец кивком указал в сторону дипломата. — Спроси его о лошади — он уверяет, что она скачет быстрее любой лошади в этой части света. — Отец вдруг подмигнул сыну, что было совершенно ему несвойственно, и отошел от него, потягивая шампанское, чтобы затеряться в толпе людей, ищущих его внимания.

Лео же остался на прежнем месте, уязвленный и взбешенный. Отец был прав — он всегда знал, что этот день когда-нибудь настанет. Но он-то думал, что сначала состоится хоть какое-нибудь обсуждение и его желания тоже будут учтены.

Ему нужно было срочно выпить, и он посмотрел по сторонам в поисках лакея. Только не вино, благодарю покорно. Что-нибудь покрепче. Джин. Или виски.

Он развернулся, высматривая посланника Веслории, и увидел, что тот весьма оживленно беседует о чем-то с сестрой Хока. Точнее, это она завладела аудиторией и жестах изящных рук оживляла рассказываемую нескольким обступившим ее джентльменам историю. Вечно она привлекает к себе внимание! Внезапно она откинула голову и громко рассмеялась.

Посланник выглядел ошеломленным и застигнутым врасплох.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ